

Все остается людям

1940 год. Metallургический комбинат Магнитки впервые успешно выплавил более 1756 тысяч тонн чугуна, 1654 тысячи тонн стали, выдал 1213 тысяч тонн проката. К этому времени он стал крупнейшим металлургическим предприятием в Европе: на комбинате с полной отдачей работали 4 доменные печи и 16 мартеновских, 4 коксовые батареи, 8 прокатных станов. Казалось, все было как должно.

Но на XVIII Всесоюзной партийной конференции, практически приравненной по своему уровню к партийному съезду — а что по тем временам могло быть выше, значительнее? — прозвучала нелицеприятная критика в адрес ММК из-за низкой культуры производства, из-за невыполнения годового плана, хотя комбинат и дал при этом государству 100 миллионов рублей прибыли. А культура производства...

Дело в том, что предыдущие руководители наркомата черной металлургии — С.К. Орджоникидзе, Л.М. Каганович, Ф.А. Меркулов, не имея инженерного образования, требовали от металлургов лишь неукоснительного выполнения плановых показателей, ибо план, и только план, был превыше всего. Не занимаясь вопросами культуры производства и бывший директор ММК П.И. Коробов, выросший в старинной семье доменщиков, для которых понятие «культура производства» было темным лесом.

Выполняя решения XVIII партконференции ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР в июне 1940 года принимают два программных документа: «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение установленного плана выплавки чугуна, стали и производства проката» и «О мероприятиях по обеспечению строительства и капитального ремонта в черной металлургии на 1940 год».

Магнитогорску предлагалось ускорить ввод в строй двух мартеновских печей, блюминга № 3, доменной печи № 5 и коксовой батареи № 4. Такова была ситуация, когда в том же сороковом году руководить отраслью стал Иван Федорович Тевосян. Тридцативосьмилетний металлург, за плечами которого Горная академия, где он обучался наукам вместе с А. Завенягиным, известным писателем А. Фадеевым. Тевосян был широко известен как один из организаторов и руководителей тяжелой индустрии, в том числе оборонной промышленности, крупнейший специалист в области качественной металлургии. Именно на этой почве у И.Ф. Тевосяна завязались товарищеские отношения с назначенным к тому времени директором ММК Г.И. Носовым.

Особенно сблизился нарком черной металлургии с Магниткой в годы Великой Отечественной войны. Именно он первым поддержал предложение заместителя главного механика комбината Николая Андреевича Рыженко о прокат-

ке броневой стали на блюминге. И не только поддержал, но и отстоял перед Политбюро казалась бы фантастическую смелую и дерзновенную идею. 28 июля 1941 года впервые в мире броневой лист был прокатан на блюминге. Челябинский тракторный завод — основной поставщик танков для фронта — с этого дня до окончания войны получал бесперебойно броневые листы ММК. Каждый второй танк одела броня Магнитки...

Одновременно шло освоение технологии выплавки броневой стали. Для чего начали работать Кусимовский и Низгуловский марганцевые рудники. По указанию И.Ф. Тевосяна возобновились горные работы на Уразовском руднике. 23 июня 1941 года сталевар Дмитрий Жидков и мастер Егор Сазонов на третьей мартеновской печи осуществили первую плавку броневой стали...

Нарком черной металлургии ходатайствует о награждении металлургов: 24 ноября 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены орденами 14 работников Магнитогорского металлургического комбината. За освоение производства броневой стали и броневых листов Г.И. Носов и Н.А. Рыженко были удостоены орденов Ленина. Однако Тевосян не успокаивается на этом и просит лично И.В. Сталина о присуждении Государственной премии Г.И. Носову, Н.А. Рыженко, В.А. Смирнову, Е.И. Левину и С.И. Сахину. Вскоре они стали лауреатами этой премии.

В начале 1942 года народный комиссар черной металлургии СССР приезжает в Магнитку и детально знакомится с работой ММК, эвакуированного на Урал завода ме-

талло-изделий. Особое внимание Тевосян уделял условиям труда и быта металлургов. По его распоряжению выделили крупные средства для обеспечения молодых рабочих одеждой и постельным бельем. На срочное сооружение интернатов и общежитий для металлургов наркомат направил более девяти миллионов рублей. В построенных на эти деньги интернатах и общежитиях разместились более 20 тысяч человек. Были выделены средства и на строительство домов: общая жилая площадь в годы войны возросла почти в два раза.

В мае 1945 года И.Ф. Тевосян вновь обращается к И.В. Сталину о финансовой помощи Магнитке. Из воспоминаний Г.И. Носова: «Буквально на второй день после окончания войны Совнарком СССР вынес специальное постановление о строительстве жилищ и других культурно-бытовых учреждений в городе Магнитогорске. Правительство нам отпустило на строительство около 50 миллионов рублей». Началось освоение земель будущего Ленинского района. По планам ленинградских архитекторов возводятся уникальные проспекты Металлургов: с летним садом, фонтанами. Продолжилось укрепление подсобного хозяйства ММК, обеспечившего рабочих картофелем, овощами, мясом, молоком. Для ослабленных детей в сосновом бору, близ Анненска, был создан детский санаторий.

Под личным контролем И.Ф. Тевосяна было и строительство на ММК промышленных объектов: за годы войны наркомат финансировал строительство на комбинате двух доменных и пяти мартеновских печей, четырех коксовых батарей. В своей приветственной телеграмме И.В. Сталин сказал: «...Родина и наша славная Красная Армия никогда не забудут самоотверженной работы магнитогорцев в деле непрерывного наращивания производственных мощностей и снабжения военной промышленности металлом».

Не забывал Иван Федорович Тевосян о своем детище — Магнитогорском металлургическом комбинате и в послевоенные годы. В марте 1952 года на третьей сессии Верховного Совета СССР ММК был назван в числе передовых предприятий страны. А на XIX съезде КПСС министр черной металлургии страны И.Ф. Тевосян призвал всех металлургов равняться на доменщиков Магнитки, достигших под руководством А.Ф. Борисова лучших показателей в работе.

Олег ВИЛИНСКИЙ.

До января 1936 года наша семья жила на шестом участке. Хорошо помню центральную улицу и барак № 34. Заканчивалась она каменным барак № 20, где семьи отгораживались одна от другой ситцевыми занавесками. Потом жителей барака расселили, а в нем открыли школу № 1.

Я помню себя с 1 февраля 1932 года. Это был очень яркий момент в жизни всех магнитогорцев и, конечно, в жизни пятилетнего ребенка. Домна готовилась к выдаче первого чугуна, и в бараках только и разговоров было, что вот-вот пойдет жидкий чугун. В детском представлении слово «чугун» было равнозначным слову «чугунок», то есть посуда, в которой варят еду: кастрюль-то тогда не было. Я никак не могла себе представить, как это может стать жидким наш чугунок...

но нас выстраивали на линейку и мы пели песни. Репертуар был немалый: «Когда восток подернется каленой каймой», «Черный ворон», «Под игром Сербии в долине», «Командир-герой Буденный», «На Магнитке живем в новом городе» и т. д.

Помню и первую елку, которую проводили в клубе кокса в 1934 году. Самостоятельность по нынешним меркам была слабая, но нам нравилось, как у елки выступал «цыганский ансамбль», как дети, накинув большие платки на плечи, пели: «Как за лесом

ловну Текеджи, учителя немецкого языка Константина Ивановича Строева, учителя истории Федора Марковича Шишкалова, учителя географии и рисования Алексея Федоровича Яикова... Это был очень сильный педагогический коллектив. Например, маленькая и хрупкая Анна Павловна Текеджи всеми силами старалась привить нам любовь к своему предмету: если мы проходили какую-то пьесу, она сразу распределяла роли между учениками, и уроки превращались в репетиции будущего спек-

...А ВПЕРЕДИ БЫЛА ПОБЕДА

Завод тогда не имел никаких заборов, да и жили мы очень близко к дому. Поэтому, когда взрослые кинулись смотреть пуск чугуна, дети от них не отстали. Я, пятилетняя, смотрела во все глаза на огненный поток, от которого во все стороны летели искры — старалась разглядеть внутри хотя бы одну посудину. Вечером отец, вернувшись с работы, спросил, видела ли я выпуск жидкого чугуна. Я ответила: нет, никаких чугунков я не видела...

было за Дунаем, цыгане гуляли...» И все подхватывали: «Бишмай румаала, бишмай чумаала...»

В январе 1936 наша семья переехала на пятый участок и я стала учиться в 26-й школе. Директором был Николай Сергеевич Кожевников, учительница — Рита Васильевна Кравцова. В этой школе мы уже не пели перед уроками, зато на переменах каждого ученика старались втянуть в активную игру. У мальчишек самой популярной была игра в бабки — пожалуй, как теперь хоккей. А еще были «Городки», «Швай», «Лапта», «Клек», «12 палочек», «Горелки», «Кандаль», «Чехарда», «Котел»...

Рубахи у мальчишек буквально пугались от бабок. Мячи

такля. Может быть, именно поэтому мой бывший одноклассник Гена Жиряков первым сыграл Олега Кошова в настоящем театре, а Тамара Иноземцева стала заслуженной артисткой...

В мае 41-го мы всей школой вышли на субботник. В один день мы разгребли мусор на пустыре вокруг школы, растащили всю землю и высадили кустарники и деревья — они и сегодня зеленеют на том же месте. Потом мы сдавали экзамены, а после них ученики нашего класса собрались июньским утром у школьных дверей и все вместе поехали отдыхать в Березки. Там, в долине за горой, мы провели весь день: играли в мяч. Пели песни, мечтали вслух...

А на другой день грянула война.

22 июня мы в последний раз видели своего классного руководителя Алексея Федоровича Яикова — он погиб на фронте. Сложили головы в битве с фашизмом директор школы Аркадий Сергеевич, учительница немецкого языка Татьяна Гавриловна. Не вернулись с войны и наши одноклассники Зворовский и

Ходырев.

Нашу школу вскоре забрали под госпиталь, и я отнесла документы в индустриальный техникум. Приняли меня без экзаменов и сразу со всеми первокурсниками отправили на уборку в Магнитный зерносовхоз. Снопки мы вязали вручную: для техники не было горячего — все отравили на фронт. А хлеба в 41-м уродились отменные — рожь выше человеческого роста! Наши ноги были в кровь исцарапаны стерней, о руках и говорить нечего, но мы не ныли и не жаловались — всем было тяжело. Учиться начали с первого октября. Было холодно и голодно: зимой в аудиториях температура не поднималась выше плюс шести, в ближних к окнам рядах иногда замерзали чернила, а нам выдавали в сутки по 600 граммов хлеба — другой пищи мы почти не видели. Но учились добросовестно, с полной ответственностью относились и к работе. Во время войны нам доверяли делать анализы даже при выпуске броневой стали...

18 марта 1945 года я защищала дипломную работу. В этот день мне исполнилось 18 лет. А впереди была Победа и — почти 40 лет работы на комбинате.

Александра ИЩЕНКО, ветеран комбината.